

Жукова Людмила Николаевна

ЮКАГИРСКО-КИТАЙСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В сравнительном плане исследуются юкагирский миф о потопе, записанный в конце XX в., и широко представленные варианты мифов в фольклоре китайцев. Анализ юкагирского текста показал его позднюю переработку с христианских позиций. Определены собственно юкагирские элементы. Структура первой части мифа и присутствие отдельных знаковых элементов (плот, гора) показали тяготение юкагирского текста к одному из ранних китайских сказаний о потопе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 72-76. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

эмоции сопровождают интенциональные состояния в тех случаях, когда отсутствуют препятствия к реализации желаний и соответствующих им намерений. Отрицательные же эмоции возникают тогда, когда имеющееся препятствие непреодолимо или преодолимо с большим трудом [9, с. 140].

В заключение следует отметить, что каждое из интенциональных состояний представляет собой сложный культурно-психологический феномен, складывающийся из ряда признаков, и эти признаки сочетаются в разных комбинациях, образующих рассмотренные события. Упомянутые признаки отражаются в значениях соответствующих языковых единиц, в их внутренней форме и в моделях их сочетаемости.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
2. Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.
3. Доброва В. В. Моделирование как метод описания строения значения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12. Ч. 2. С. 64-69.
4. Ишмуратов А. Т. Логический анализ практических рассуждений. Киев: Наукова думка, 1987. 140 с.
5. Ишмуратов А. Т., Омелянчик В. И. Контекст знания и пресуппозиция // Пути формирования нового знания в современной науке отв. ред. М. В. Попович. Киев, 1983. 229 с.
6. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
7. Петровский А. В., Котова И. Б. Чувства // Введение в психологию / под ред. А. В. Петровского. М.: Академия, 1996. С. 239-257.
8. Подлесова О. А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах (на материале английских имен эмоциональных состояний): дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 180 с.
9. Подлесова О. А. Специфика эмоций как вида когнитивных состояний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. №1 (1). Ч. 1. С. 139-141.
10. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ин-та, 1993. 172 с.
11. Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты: сб. научн. трудов. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 80-96.
12. O'Henry. 100 Selected Stories. Wordsworth Editions Limited, 1995. 736 p.
13. Sheldon S. Rage of Angels. Warner Books, 2001. 325 p.
14. Tatualla M. Short Love Poem [Электронный ресурс] URL: <http://www.familyfriendpoems.com/poem/i-want-to-2> (дата обращения: 02.04.2015).

COGNITIVE ANALYSIS OF INTENTIONAL EVENTS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Dobrova Viktoriya Vadimovna, Ph. D. in Psychological Sciences, Associate Professor

Podlesova Olga Aleksandrovna, Ph. D. in Philology

Samara State Technical University

victoria_dob@mail.ru, olgapodlesova@list.ru

In the article the intentional events as the basis of human personality are considered from the position of cognitive linguistics. The definition of the term "event" is given. The detailed analysis of characteristic peculiarities of events is conducted, and on this basis their cognitive content is modelled with the help of special metalanguage. The verb operators which then are used to form the frame-scenario of the appropriate event are described. The differences between the term under consideration and the adjacent categories are shown by the concrete examples that allow marking its boundaries.

Key words and phrases: linguocognitive science; event; intention; modelling; metalanguage; frame-scenario.

УДК 398(=554+=581)

Филологические науки

В сравнительном плане исследуются юкагирский миф о потопе, записанный в конце XX в., и широко представленные варианты мифов в фольклоре китайцев. Анализ юкагирского текста показал его позднюю переработку с христианских позиций. Определены собственно юкагирские элементы. Структура первой части мифа и присутствие отдельных знаковых элементов (плот, гора) показали тяготение юкагирского текста к одному из ранних китайских сказаний о потопе.

Ключевые слова и фразы: Северо-Восток Азии; юкагиры; фольклор; библейский миф; потоп; китайские тексты.

Жукова Людмила Николаевна, к.и.н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

zjukova@mail.ru

ЮКАГИРСКО-КИТАЙСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ[©]

Впервые значительный объем фольклорных текстов лесных юкагиров (самоназвание *одул*) собран в Колымском округе ссыльным, участником нескольких научных экспедиций на северо-восток Азии В. И. Иохельсоном

в конце XIX в. [7; 8]. Исследователю не удалось записать одульские мифы космогонического характера, за исключением текста «Юкагирская сказка о происхождении чукчей» [8, с. 411-413]: информанты ссылались на то, что «это знали древние люди» [7, с. XII]. Почти через столетие, в конце XX в. в с. Нелемное Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия) – центре расселения лесных юкагиров – неожиданно сделаны записи цикла космогонических мифов о создании Земли, ее ландшафта, человека и животных, о вторичном переустройстве мира, мифы о происхождении Луны и пятен на ней [4, с. 20-24, 35-46, 48-49; 5, с. 146-147; 6, с. 25; 9, с. 31-44; 12, с. 308-312]. По-видимому, фольклорные тексты аналогичного содержания пересказывались юкагирами и в более раннее время, о чем свидетельствуют записи юкагира-чуванца А. Е. Дьячкова в конце XIX в. [1, с. 231-232] и один текст тундровых юкагиров [14, с. 239]. В большинстве мифов (исключение составляют лунарные и некоторые другие) основными действующими персонажами являются демиурги-антагонисты Христос и черт/Сатана, что свидетельствует о значительном влиянии библейского сказания. В пересказах А. Е. Дьячкова это безымянные добрый и злой духи.

Анализ притчи «Приход тени человека с Нижней земли на Среднюю землю» позволил выявить юкагирско-славянские фольклорные параллели, касающиеся языческих воззрений на реинкарнацию души умершего человека [3]. В настоящей статье приводятся еще мало исследованные юкагирско-китайские соответствия сюжетов о мировом потопе. Насколько известно, у соседствующих с юкагирами народов Якутии (тунгусы, якуты, чукчи) мифов о потопе, отличающихся от библейской версии, не зафиксировано.

Юкагирский текст «Как Христос делал жизнь на Средней земле» повествует о том, что на Средней земле потоп был несколько раз [4, с. 35-46]. Из-за того, что животные и люди расплодились, совершили много грехов, боги послали на землю первый потоп. «Грешников потопили и на Нижнюю землю отправили, на Средней земле грех кончился» [Там же, с. 35]. Но грешных людей на Нижней земле оказалось так много, что они начали подкапывать Среднюю землю, что грозило новым наводнением. Богами был сделан плот и выбран старик Ной для спасения животных от приближающейся большой воды. Ной взял по паре животных, еду для них, плывал на плоту в хлынувшем потоке. После того, как показалась земля, плот ударился о гору и разломился на две части. Животные с одной половины счастливо вышли на берег, а другую часть плота потопили сильный ветер, течение и вырвавшиеся из Нижней земли грешники. Часть оказавшихся в воде животных спаслась, а другие вместе с Ноем утонули. Ной стал хозяином животных водного мира: «дадим ему всех животных, которые по воде ходят», – решили боги [Там же, с. 39]. От спасшихся животных расплодились по Земле все остальные.

Посланник богов Христос с тремя помощниками – хозяевами воды, деревьев, растений – устраивают жизнь нового поколения безгрешных людей, обучают, как содержать домашних животных, в их числе названы: корова, лошадь, олень, свинья, собака, птицы. Черт Большая Острая Голова и его помощники-грешники ищут Христа, чтобы распять на кресте и отобрать животных. Прямого противодействия Христу они не оказывают, однако поймали и распяли одного из трех его помощников. Второго помощника Христа съели животные. Боги отделили Среднюю землю от Нижней земли, в которую убежали грешники, а Христос закрыл дыру, через которую они выходили наружу. Завершив мироустройство, Христос улетел на Верхнюю землю «со своими людьми» (хотя по тексту остался только один помощник).

О том, как во время первого и второго потоков сохранялся или вновь воссоздавался человеческий род, миф не рассказывает. Можно выделить две части сюжета: собственно потоп и устранение Христом его последствий. Отметим основные доминанты начальной части текста: 1) противопоставление боги – люди-грешники как основная причина, обусловившая возникновение первого и второго потоков. В этом противопоставлении, если опираться на библейский миф, люди изначально греховны (сюжет первородного греха): они виновны уже в самом своем существовании; 2) боги оповещают Ноя и дают плот; плот ударяется о гору и раскалывается на две части – целевшую и утонувшую как положительно и отрицательно отмеченные; 3) Ной – хозяин в воде живущих животных, Христос – отец хозяев Средней земли, устранитель последствий потопа; 4) миф объясняет возникновение Нижнего мира, в котором обитают черт Большая Острая Голова и его помощники, тем самым структурно воссоздается трехчастная мифологическая вселенная: боги – люди – грешники. В каждой выделенной доминанте обнаруживается влияние библейского мифа и его персонажей.

В китайском фольклоре зафиксировано несколько мифопоэтических версий потопа, причин, их вызвавших, и богов-спасителей. Различия версий объясняются разными районами бытования и временем: «Древние мифы записывались в Китае в течение весьма продолжительного времени – начиная с эпохи Восточного Чжоу до периодов Вэй, Цзинь и Шести династий (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.), что составляет более тысячи лет... Время, равно как и те, кто записывал мифы, наложили на них свой отпечаток» [13, с. 22]. Китайский фольклорист Юань Кэ приводит пример эволюции мифа о Владычице Запада Си-ванму – от жестокого женского духа «с хвостом барса, зубами тигра и всклокоченными волосами», жившего в пещере, до прекрасной женщины, «красотой покорявшей мир» [Там же]. Записи мифов продолжались в разных провинциях Китая и в середине XX в. [10, с. 386-387]. Таким образом, ученые имеют возможность проследить развитие и изменчивость китайских мифов о потопе от глубокой древности до современности. Юкагирский миф «Как Христос делал жизнь на Средней земле» известен только в одном варианте, отдельные его эпизоды существуют как самостоятельные мифы-сказки.

Для возможных типологических параллелей приведем краткие описания нескольких китайских мифов.

Миф повествует о битве злого духа воды Гунгуна со светлым духом огня Чжужуном, в результате чего возникли потоп и другие бедствия. Варианты мифа записаны в «Книге гор и морей», разные части которой, по мнению исследователей, были созданы в разные эпохи: от VIII в. до н.э. по начало I в. н.э. [13, с. 257].

После того, как богиня Нюйва создала людей и брачные законы, установилась счастливая и спокойная жизнь. Но «неизвестно из-за чего» Гунгун с помощниками «сели на огромный плот и, вздымая высочайшие волны, поплыли по реке», чтобы напасть на Чжужуна. Дух огня опалил нападавших. В результате «дух огня,

выразитель светлого начала, победил, а зловредный и воинственный дух воды, олицетворение мрака, потерпел поражение» [Там же, с. 51]. Помощники духа воды разбежались. От отчаяния Гунгун ударился головой об гору, служившую опорой неба, она сломалась, в результате «одна из сторон земли разрушилась, часть небосвода отвалилась, и на небе возникли большие зияющие проемы, а на земле черные и глубокие провалы» [Там же]. Были огромный жестокий пожар и наводнение, хлынувшее из-под земли: волны «вздымались до неба». Жалея людей, богиня Нюйва починила небо и землю.

Миф не называет причину битвы духов огня и воды (в некоторых вариантах это борьба за главенство), стихийные бедствия вызваны не греховными поступками людей, наоборот, их счастливую жизнь нарушил разгул стихий. Исследователи мифов, легенд и преданий о потопе, записанных у многих народов мира (тема потопа неизвестна или получила случайное отражение в мифологии народов Японии, Африки, Австралии), допускают, что в основе текстов могут лежать реальные древние стихийные бедствия [11, с. 324], и лишь впоследствии появилась версия о греховности людей (пример библейского мифа). В других древнекитайских текстах потоп посылают Громовик (у малочисленных народов Китая), Дух ветра и Повелитель дождя (образы их восходят к древнекитайской мифологической системе) или, как в поздних китайских вариантах, верховный владыка Нефритовый государь Юй-хуан. Фигура Юй-хуана, пишет Б. Л. Рифтин, не встречается в древних текстах, время его появления в литературе относится примерно к X в. н.э. Именно в позднем тексте указано, что потоп послан людям за грехи (но не конкретизировано, за какие, как и у юкагиров). Потоп как наказание за грехи, по мнению Б. Л. Рифтина, – вторичное и позднейшее наслоение, но у китайцев оно «едва ли попало в данную версию из христианских сказаний» [10, с. 387]. Поздние мифы отражают тему землеустроительной деятельности богов [11, с. 325].

Другие древние сюжеты сохранялись еще в середине XX в. в отдельных китайских районах, далеких от культурных центров, и у малочисленных народов Китая. Архаичный текст из провинции Сычуань приводит Б. Л. Рифтин.

«В древние времена небо во многих местах обрушилось и в нем образовалось бесчисленное количество дыр, так что даже солнце и луна боялись совершать свой путь по небу. Одновременно и на земле появились широкие трещины, из которых на поверхность стала выходить вода, затопившая всю землю. Во время наводнения погибло много людей. Тогда Нюйва отправилась искать синие блестящие камни, соответствующие по размерам дырам в небе. Возьмет камень, дунет, и дыра в небе заделана. Эти камни стали сверкать по ночам и люди назвали их звездами. После этого Нюйва стала приводить в порядок землю» [10, с. 396]. Она взяла камни и глину и заделала трещины в земле, так явились русла рек и цепи гор.

Здесь, по-видимому, опущено начальное звено – битва духов, вызвавшая природные катаклизмы. Многие мифы этого цикла повествуют о деяниях Фуси и Нюйвы – двух первопредков, или сиротах – брата и сестры, действующих во время потопа, что «зафиксировано в фольклоре большинства живущих на территории Южного и Юго-Западного Китая малых народов» – мяо, яо и др. [Там же, с. 387].

В одном из поздних вариантов бессмертный шэньсянь – сказочный «добрый волшебник» в облики нищего старика – предупреждает сирот Фуси и Нюйву о приближающемся потопе и дает корзину, в которой они, как в лодке, спасаются от потопа. После наводнения сироты вступают в брак, и от них происходит новое начало человеческого рода [Там же, с. 388].

Сгруппируем полученные данные в таблицу.

Элементы мифа	Юкагирский	Китайский (включая малочисленные народы юга)
Причина потопа	Размножился грех на земле	В ранних: из-за битвы стихий природы, в поздних: послан людям за грехи
Кто послал (в поздних версиях)	Боги	Громовик, Верховный владыка
Люди	Грешники утонули, об остальных неизвестно	Много людей погибло, или все, кроме сирот Нюйвы и Фуси
Как спаслись	-	Не указано или в корзине, есть версии – в тыкве, на дереве и проч.
Второй потоп, причина	Грешники копают низ Средней земли, хлынула вода	-
Посланник богов	Ной, ставший хозяином в воде живущих животных; Христос с помощниками	-
Плот и его роль	Как спасительное средство сделан богами (для Ноя и животных)	Злой дух воды и его помощники используют в качестве транспортного средства
Гора и ее роль (в кульминации сюжета)	От удара об гору плот раскололся на 2 части: одна с животными выплыла, другая с частью животных и Ноем утонула	Поддерживала небо. От удара духа воды сломалась, часть неба рухнула, на земле – трещины, из них хлынули воды потопа
Спасители	Боги, Христос с помощниками	Нюйва
Персонажи Нижнего мира	Черт Большая Острая Голова и его помощники-грешники	-

Таблица показывает степень переработки юкагирского текста о потопе с позиций библейского сказания; произошло это в позднее время: христианизация северных народов Якутии началась примерно в середине XVII в. и официально завершилась через 200 лет.

Юкагирский текст четко структурирует трехчастную вселенную с мифическими хозяевами: Верхняя земля – *хойлтэ* (от *хойл* 'бог'), Средняя земля – «отец хозяев животных» Христос, Нижняя земля – *Йоодэиисьэньулбэн*, черт 'Большая Острая Голова'. Истоки образа *хойл* уходят к представлениям юкагиров о шамане, предке-родоначальнике. Первоначально *хойлом* называли фигуру, изготовленную из черепа умершего шамана с соединенным с ним одетым в несколько одежд манекеном из дерева. Позже *хойлом* стали называть христианского бога и иконы [8, с. 212]. Образ посланника богов Христа сопоставим с юкагирским языческим хозяином земли, который в фольклоре, мифологии и народных представлениях выступает как покровитель животных [Там же, с. 218]. Вместе с Христом в мироустроительной деятельности участвуют его помощники – три языческих хозяина: воды, деревьев и растений. Число «три» является сакральным и часто фигурирует в перечислениях чего-либо в юкагирском фольклоре [2, с. 326-328]. Надо отметить, что образ хозяина растений отсутствует в устном народном творчестве и религиозных воззрениях лесных юкагиров; в китайской мифологии покровителем растительности иногда назван культурный герой Фуси.

Образ антагониста в юкагирском мифе о потопе имеет глубокие национальные корни. Согласно материалам В. И. Иохельсона, в конце XIX в. черт Большая Острая Голова именовался *Йоодичиньул хаха* 'Дедушка с Острокопечной Головой'. Считалось, что он обитает в самом низу *Айбидьши* 'Мир теней', является предком и в то же время самым страшным из злокозненных сил, называемых *кукунэ* [8, с. 222]. В космогонических текстах конца XX в. персонаж фигурирует под названием черт, Сатана. Скорее всего, трехчастная структура мироздания сложилась в мифологии лесных юкагиров независимо от библейского влияния, последнее, в свою очередь, структурно укрепило трехчастное деление мифопоэтической вселенной юкагиров и сформировало ее эклектический пантеон.

В китайских мифах о потопе не наблюдается отчетливого структурирования вселенной как трехчастной системы, а образы верховных божеств и духов природы имеют национальный колорит. Тем не менее, китайский и юкагирский тексты объединяют некоторые сходства сюжетов и отдельные примечательные моменты.

Грехи людей как причина потопа указывают на позднюю трансформацию обоих текстов; боги *хойлтэ* в юкагирском тексте первоначально могли быть представлены, как у китайцев, силами природы, неслучайно языческие хозяева стихий включены в сюжет в качестве помощников Христа, т.е. в божественной, но сниженной функции. Немаловажно присутствие транспортного средства – плота, однако в юкагирском варианте его значимость оказалась переосмысленной в связи с библейским образом Ноева ковчега. Удар об гору – кульминационное событие, за которым следуют грандиозные изменения в окружающем мире (китайцы), в животном мире (юкагиры). Имеются упоминания о двойном напоре водной стихии: Гунгун с помощниками плыли на плоту по реке, «вздымая высочайшие волны», затем во время катаклизма вода хлынула из трещин в земле, и волны «вздымались до неба». У юкагиров: первый потоп послан богами, но не уточняется, сопровождался ли он дождем или другими бедствиями. Затем вода хлынула из-под земли в результате «подкопа» Средней земли грешниками. Ликвидируют последствия потопа также божественные силы: Христос с помощниками или богиня Ньюйва.

Полагаем, что юкагирский миф о потопе имеет независимое от христианского сказания происхождение. Сравнительное исследование показало, что христианские мотивы оказались поздними включениями в структуру юкагирского мифа, возникшего в древности и тяготеющего к древнекитайскому источнику. По существу, это один из вариантов древнекитайского мифа, когда-то воспринятый и переработанный юкагирской мифопоэтической фольклорной традицией. Впоследствии уже трансформированный текст подвергся значительной пересемантизации с позиций христианства. Это предположение подкрепляется другими юкагирско-китайскими фольклорными схождениями, в частности, в лунарных мифах и в отдельных древних погребальных обрядах [2, с. 248, 318]. Вопрос о времени и месте предполагаемых юкагирско-китайских контактов остается открытым. Возможно, в древности какая-то группа из Китая (китайцы или малочисленные народы) переселилась на территорию Якутии, и произошло это еще до прихода туда тунгусов и предков якутов.

Список литературы

1. Дьячков А. Е. Анадьрский край // Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьячкове. Магадан: Кн. изд-во, 1992. С. 160-270.
2. Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре. Новосибирск: Наука, 2012. Ч. 2: Мифологическая модель мира. 360 с.
3. Жукова Л. Н. Юкагирско-славянские фольклорные параллели // Очерки по юкагирской культуре (Из ранее опубликованного). Якутск: Бичик, 2013. Ч. 3. С. 40-56.
4. Жукова Л. Н., Николаева И. А., Демина Л. Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.
5. Жукова Л. Н., Прокопьева П. Е. Фольклорные тексты юкагиров Верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1991. Вып. 2. С. 146-167.
6. Заветный фольклор народов Якутии: юкагиры, якуты, эвенки, русские / сост. Л. Н. Жукова. Якутск: Якутский край, 2008. Вып. 1. 83 с.
7. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 270 с.
8. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова и З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
9. Лунное лицо: сказки юкагиров / сост. и обраб. Л. Н. Жуковой, О. С. Чернецова. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 124 с.
10. Рифтин Б. Л. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Гл. редакция вост. литературы, 1987. С. 378-477.
11. Топоров В. Н. Потоп // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 324-326.
12. Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. М. – Новосибирск: Наука, 2005. 593 с.
13. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Гл. редакция вост. литературы, 1987. 527 с.
14. Юкагиры: историко-этнографический очерк / отв. ред. А. П. Окладников. М.: Наука, 1975. 244 с.

THE YUKAGIR-CHINESE FOLKLORE PARALLELS

Zhukova Lyudmila Nikolaevna, Ph. D. in History
*Institute of Researches in Humanities and Problems of Smaller Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
zjukova@mail.ru*

In the comparative terms the Yukagir myth about the flood, written at the end of the XX century, and widely presented variants of myths in the folklore of the Chinese are examined. The analysis of the Yukagir text has shown its late conversion from the Christian positions. The structure of the first part of the myth and the presence of particular sign elements (raft, mountain) have shown the inclination of the Yukagir text to one of the early Chinese legends about the flood.

Key words and phrases: North-East of Asia; the Yukagirs; folklore; Biblical myth; the flood; Chinese texts.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящается изучению лингвокультурологического концепта «Моң» в татарской языковой картине мира, интерпретации терминов «концепт», «ассоциация» и результатов массового ассоциативного эксперимента по гендерным особенностям носителей татарского языка. В ходе массового ассоциативного эксперимента нами были опрошены мужчины и женщины разных возрастов (от 14 до 80 лет) и профессий, носители татарского языка, общее количество которых составило 350 человек. Статья также включает анализ основных характеристик концепта «Моң» как эмоционального концепта в татарской языковой картине мира и его деривации.

Ключевые слова и фразы: концепт; лингвокультурологическое поле; лингвокультурология; языковая картина мира; ассоциация; массовый ассоциативный эксперимент.

Закирова Роза Рафаиловна, к. филол. н.
*Казанский федеральный университет
sun_roza@list.ru*

**СВОБОДНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПОНИМАНИИ КОНЦЕПТА «МОҢ»
НОСИТЕЛЯМИ ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ[©]**

В основе формирования и функционирования этнического сознания лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы [8, с. 140]. Исходя из этого положения, этническое сознание (в его языковой форме) можно рассматривать как один из объектов, изучение которого поможет раскрыть особенности картины мира, которые присущи представителям того или иного этноса.

Как отмечает И. А. Стернин, языковое сознание может изучаться экспериментально, в частности при помощи ассоциативного эксперимента, который позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений [9, с. 58-65].

Термин «ассоциация» в научную парадигму был введен Дж. Локком [цит. по: 5, с. 389] при описании возникновения предрассудков и «ложных идей». Он полагал, что путем образования сложных идей посредством ассоциаций образуются достаточно случайные, произвольные объединения идей (страхи, предрассудки и пр.).

Было установлено, что существует много видов ассоциаций, которые отражают процессы, происходящие в глубинных слоях человеческой психики [4, с. 11-12]. Именно лингвистами было высказано предположение о том, что изучение многообразия ассоциаций и их связей позволяет делать выводы о соотношении субъективной реальности, т.е. смысла, связанного со словом в сознании человека, и «объективного конструкта» картины мира в его сознании.

Ассоциация представляет собой связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление в сознании другого. Изучая ассоциации, мы обращаемся к неосознаваемому, глубинному слою психики человека [Там же].

Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте [Там же, с. 27-28]. Ассоциативный эксперимент предоставляет прекрасную возможность выявления эмоционально-оценочного компонента слова, а значит, и национально-культурной специфики образов сознания носителей разных культур. В ходе анализа материалов ассоциативного эксперимента выявляется системность знаний, определяемая этническими стереотипами поведения носителей той или иной культуры. Результаты ассоциативных экспериментов дают возможность раскрыть наибольшее количество актуальных для современного сознания признаков концептов. В нашем исследовании